

НИКОЛАЙ ШЕБУЕВ

ДЕТСКИЕ ГЛАЗА

Н. ШЕБУЕВ

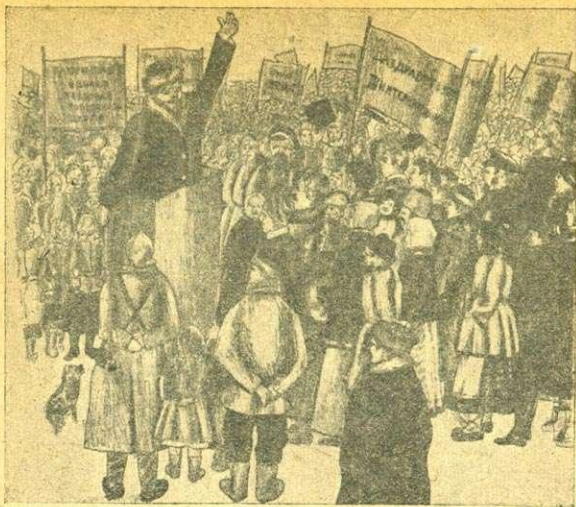

ДЕТСКИЕ ГЛАЗА

МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
П. П. СОЙЕННА и Н. Ф. АФАНАСЬЕВА.
Москва □ 1922.

Эту книгу посвящаю Челле,
у которой детские глаза.

Автор.

Городской оратор.

I.

У великого писателя маленьких читателей Андерсена есть превосходная сказочка—

— „Платбе короля“.

Два изобретательных афериста явились ко двору и выдали себя за чудесных ткачей.

— Мы ткем такую тонкую пряжу, что глупому человеку ее даже и не заметить. Умный восхищается рисунком ткани. А глупый рядом стоит и глазами хлопает: не только рисунка, но и самой материи не видит. Предлагаем из этой материи сшить королю платбе на удивление всему миру.

Простодушный, глуповатый монарх приказал выдавать ткачам все, чего бы они ни потребовали,

Деревенский оратор-крестьянин.

предоставить им помещение во дворце и не мешать до конца работы.

Ткачи преобладали золотом, пили, ели, развлекались и к условленному дню вышли к королю с пустыми руками, делая вид, что несут чудесное платье.

Все придворные тоже притворялись, что любят платье, не желая прослыть за дураков, и вслух расхваливали его фасон и рисунок.

Боясь выказать себя глупым, король тоже не отставал от других в похвалах ткачам. С помощью придворных он разделся до нага и облачился в новый костюм из удивительной материи.

В таком виде он вышел к народу. Народ, как один человек, приветствовал монарха и нахваливал его новый наряд.

Только один ребенок крикнул:

— Смотрите: а ведь он голый!..

II.

У великого поэта наших дней Рабиндраната Тагора есть прелестная сказочка—

Волостной оратор из раненых красноармейцев.

— О старике искомеле.

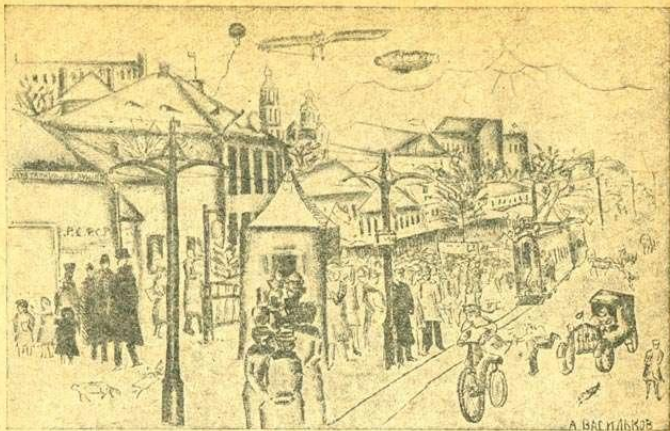
Безумный скипалец всю жизнь искал того камня, который превращает все в золото. Безнадежно искал. Но не мог перестать, потому что искать стало его жизнью.

Вошло уж в привычку. Идет, наклоняется, поднимает каждый камешек, дотронется им до веревки—пояса и отбросит, даже не посмотрев, произошло ли превращение.

Как-то пришел деревенский мальчик и спросил:

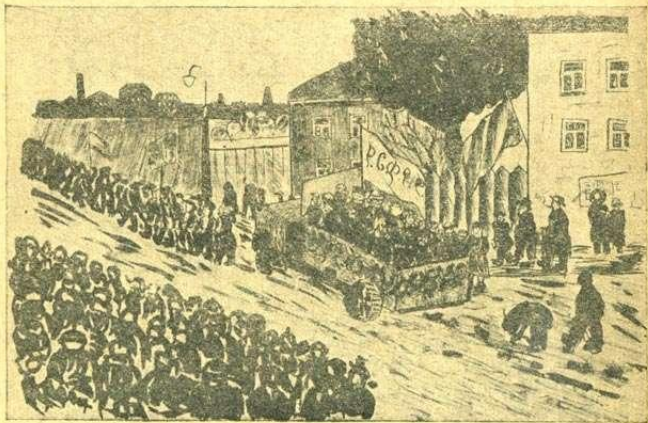
— Где ты раздобыл эту золотую цепь, которой ты опоясан?

Дико потряс головой скипалец. Он не заме-

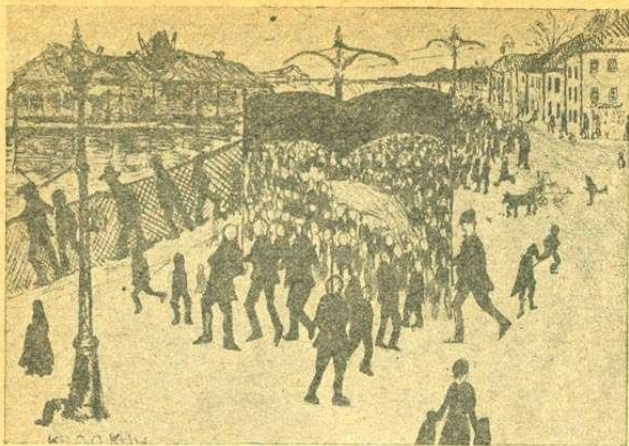

Земная и небесная манифестация.

пид превращения веревки в золото, и своею собственной рукой отбросил счастье, которое ему далось в руки.

Агит-грузовик.

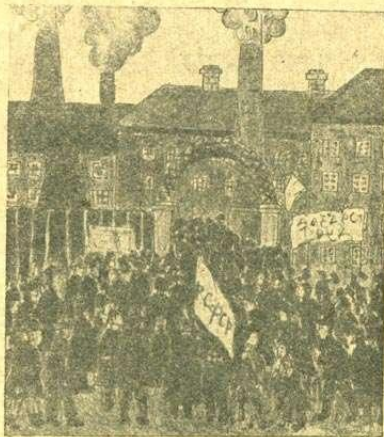

Манифестация союза молодежи.

И снова вернулся безумец на следы своих ног
искать пропавшее
сокровище и был
он без сил и с сер-
дцем, повергнутым
в прах и согбенно
клонился, как кло-
нитися дерево, выр-
ванное с корнем.

Понятен сим-
вол поэта. Часто
мы, сами того не
подозревая, отбра-
сываем от себя
счастье, которое
нам далось в руки
и успело даже озо-
лотить часть на-
шего бытия...

Но есть еще и
другой символ в
этой сказке.

У фабрики.

Гриютская манифестация.

Только ребенок, непременно ребенок, сумел заметить истинное золото там, где никто не заметил.

А у Андерсена: только ребенок сумел разглядеть, что король голый. Остальные внушали себе и друг другу пышное величие его платья.

III.

Ребенок может рассмотреть то, чего не замечают и десятки мудрецов.

Детские глаза любопытно устроены. Они просты. И мудры мудростью простоты.

Они смотрят без призм. Без окрашивающих стекол, без очков, без навыков и привычек,—своими глазами.

А наши глаза почти никогда не бывают нашими глазами. Мы на все смотрим глазами других. Чужих.

Глазами ближних и дальних.

Мудрых и безумных.

Врагов и друзей.

Тех, кто нам авторитет; тех, кому мы авторитет.

Годовщина революции.

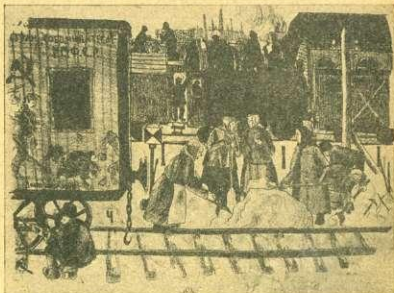
Едва родился я, как я уже не я:
Наследственность гнетет неумолимым роком.
И давит я мое с порога бытия...

Агит-поезд.

Советская читальня.

Сцена у вокзала.

Снежная повинность.

Мы смотрим глазами родителей, дедов, пра-дедов.

Потом глазами наших нянек в юбках, или в брюках.

Потом глазами наших учителей.

Потом глазами писателей, произведения которых впитываем в себя.

И, чем талантливее писатель, тем больше он влияет на наше зрение.

Арест.

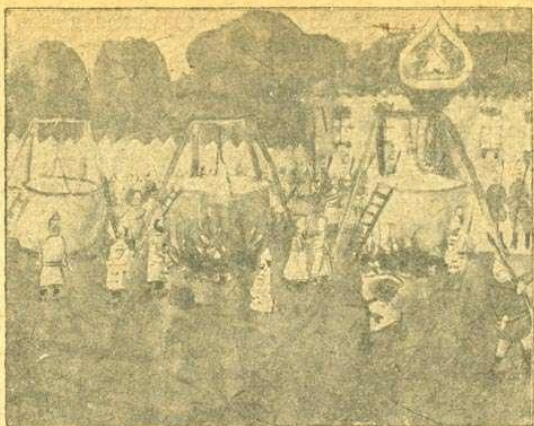

Большая перемена.

Потом любимая женщина — жена, возлюбленная.
Лишь детские глаза, не вооруженные ничем и в особенности «исторической перспективой», видят, что у искателя золотой пояс и видят, что король гол.

Ведут.

Конек-Горбунок. Финал.

Дети мудры тем, что не мудрят. Мудры простотой.

IV.

Тот же мудрый ребенок—старик—дитя, поэт—

Дождь.

В ожидании учителя.

жрец, певец-философ Рабиндранат Тагор в своей книге радости бытия: «Садхана» говорит:

— Вы, запад, смотрите на природу, как на врага, которого следует покорить, завоевать и держать в порабощении. Мы — восток — смотрим на природу, как на друга, которого следует еще больше полюбить, с которыми следует еще больше сжиться, в душу которой следует еще больше проникнуть.

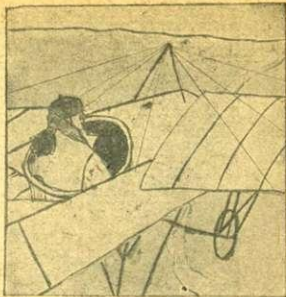

Мясник.

Мы — взрослые — запад насыщенный, пресыщенный культурой. Он изжил себя и идет к закату, оглядываясь с надеждой на восток.

Бухгалтер.

Аппарат.

А дети—это восток, знающий одну мудрость общение с природой, обожание, обожествление природы и их религия радость бытия, радость природы.

Уже Брама оценил ясность детских глаз. И в трудные моменты жизни советует глядеться в них.

V.

Посмотримся же в детские глаза.

Посмотрим, как отразилась в них современность.

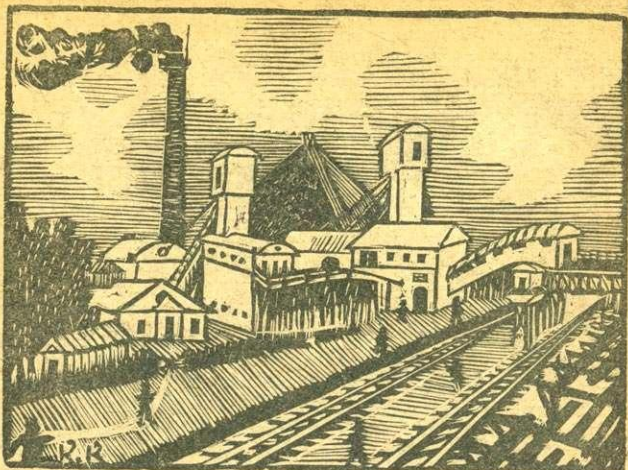
Передо мной работы мальчиков двух лучших школ полиграфического искусства в Москве

Швейцар.

В кузнице. (Линолеум).

Донбасс.

б. Сыпинской школы и школы Художественного Печатного Дела в Серебряном переулке на Арбате.

Перед маленькими глазами учеников произошло событие мирового значения—наша великая революция.

Такое событие, в котором мы, взрослые художники слова, кисти, резца, струны, еще не успели разобраться.

Еще не найдены настоящие слова, краски, камни, звуки.

Роман «Война и мир Революции» появится, быть может, через 25—50 лет.

Мы, взрослые художники, будем подыскивать «углы зрения», «изучать перспективы» (от линейной до исторической), подбирать «освещение», пропускать через всякие «призмы».

Словом, будем относиться к природе (в данном случае к природе Революции) как к врагу, которого надо покорить под ножи своей индивидуальности, пропустить сквозь огонь и медные трубы своего вдохновения, через горнило личных симпатий, возможностей и пользы.

Глаза же ребенка в революции видят голую природу, с которой надо еще больше сжиться.

Ребенок видит и то голое, что в самом деле еще обнажено.

И видит золотую цепь на том месте, где была веревка.

VI.

Ведь в чем сущность революции и революций.

Народ посмотрел на короля простыми глазами Андерсеновского ребенка и воскликнул:

— Да он голый!

И все увидели, что он голый.

И поняли, из какой невесомой материи лести и раболепства соткана придворными ткачами ничтожная сама по себе порфира.

Монархическая цензура в свое время должна была бы запретить, как подрывающую основы, сказку Андерсена «Платье Короля».

Уличный быт.

И в чем сущность революционного искусства, — увидеть золотую цепь там, где была веревка.

VII.

Просто подошли к революционным темам дети б. Сытинской школы, произведения которых я воспроизвожу на первых девяти страничках.

Началось все ораторами.

Вот три оратора: городской, в котором угадывается тов. Ленин, и два деревенских — крестьянин и солдат. Удивительно талантливо первым мальчиком разрешена проблема толпы: за спиной оратора чувствуется бесчисленное множество людей. От первого плана, почти непосредственный переход к четвертому.

Неестественно велик оратор (— больше фигур первого плана), неестественно врос он в кафедру, неестественно бесгибно вытянута его рука — и все-таки простота и искренность делают такую естественною всю эту сценку.

Второй мальчик из дюжины однопланых фигур строит аудиторию деревенского оратора, Перспектива совершенно не соблюдена: оратор находящийся на втором плане, вдвое, если не втрое больше любого из слушателей.

Но у ребенка своя перспектива, та же перспектива, как и у китайцев — детей востока.

Что важнее, то и должно быть на картине больше.

Боги и на японских какемоно и на индийских миниатюрах в несколько раз больше своих поклонников.

Ораторы важ-
нее своих слуша-
телей, и ребенок
делает этих ге-
роев, богов карти-
ны, вдвое больше
ростом, чем про-
стых смертных.

У претьего
мальчика оратор
(повидимому ране-
ный красноармеец)
подан почти с соблюдением перспективы.

И вся картинка на редкость жизненна и удачна
по композиции. В позах нет ни напряжения, ни
условности.

Они выслушали и обсуждают.

VIII.

Детские глаза видят все очень просто.
Для них вся революция случилась очень просто.
Ораторы поораторствовали и начались мани-
фестации.

Здесь шесть рисунков.

У вокзала.

Хлеб.

Первый мальчик (А. Васильков) дал какую-то праздничность. Манифестация появилась не внушительная по размерам, но на нее откликнулись и земля, и небо.

Чувствуется усиленное движение.

Трамвай, автомобиль, извозчики, велосипедисты, мальчик, собака, аэроплан, аэроплан, цепелин — все вторит скромной по размерам, а может быть закрытой прамваем толпе с флагами.

Город взят интересно. Здание таланливо стилизовано. Но эта стилизация придает какой, то иностранный характер.

На втором рисунке — деловая, стройная манифестация. Фигура, наклонившаяся до земли, очевидно

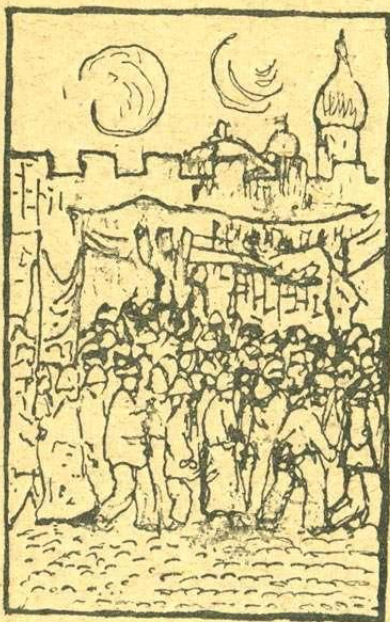
поднимает прокламацию брошенную с грузовика.

Прекрасное распределение черных пятен.

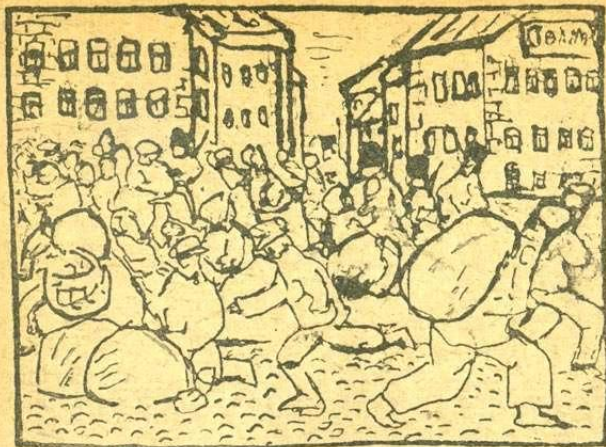
Третья манифестация хороша своей непринужденной жизненностью: часть детей бросились к решетке и любитесь внешней водой. Нет никакого порядка в распределении силуэтищихся безруких фигурок.

Мастерски подан трамвайный столб и левые здания.

Много делового настроя в фабричной манифестации. Трубы дымят. Ворота об-

Рынок.

виты гиляндами. Черная лава рабочих выливается из них и растекается. Есть напряженность момента.

Удачно брошены пятна плакатов.

Милая наивность приютской мелюзги, проходящей с плакатами мимо столовой.

Чтобы фигурки не сливались, они в простоте душевной, контурены белым. На всю компанию дана только одна рука — тому, кто несет впереди елку.

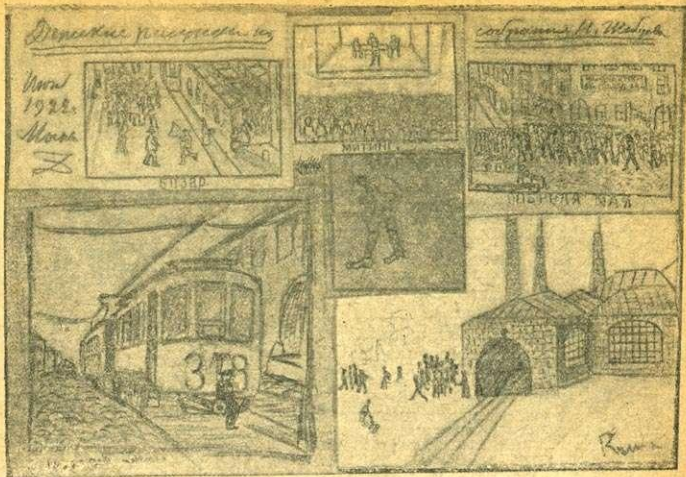
К чему в самом деле идущим руки?

Зато ноги показаны у всех и у всех в третьей позиции.

Перспективы никакой. Оттого черная фигура на втором плане кажется каким-то громадным памятником.

Но зато — искренно. А искренность стоит перспектив.

В годовщине революции белые фигуры контурены черным. И здания белые. Чувствуется свет и праздность. Ораторы на третьем плане, но больше фигур второго плана. Это делает их колоссальными.

Но спорить с этим не приходится: так видят детские глаза.

IX.

Часто слышишь:

— Быт умер!

— Был быт, да весь вышел, осталась одна канитель!

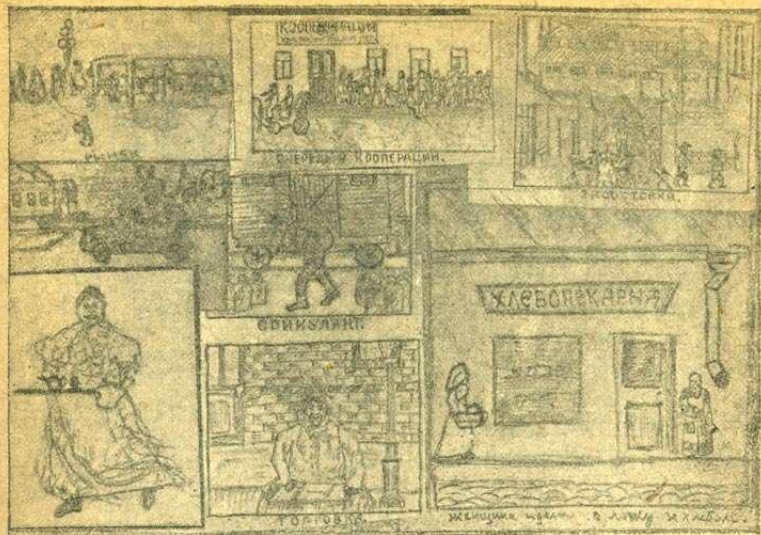
— Разве это жизнь! Не жизнь, а житие. Не быт, а бытие.

— Не бытие, а нытие...

А вот детские глаза увидали жизнь, рассмотрели бодрый быт и запечатали его четко, отчетливо.

Им не с чем сравнивать, не о чем скулить и они берут жизнь как она есть,—приемлют революцию.

«Читальня» и «На железнодорожной станции» (—уборщицы спец.)—две спокойные бытовые картинки.

Незловиво подана и снежная повинность. Комично владеет лопаткой гражданка в пляске с большим пером (первый план—правый угол). Жизненная группа—два котелка и фуражка, тянущие санки со снегом.

Как естественно размахнулся рабочий в блузе. Сценка в воротах—барыня и мальчик—полна расказа.

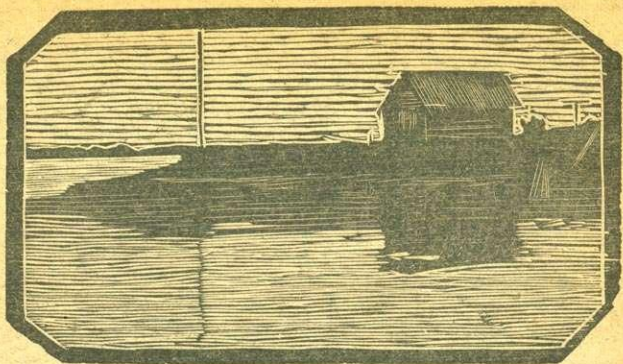
Перспективы нет. Граждане громадных форматов валяются с крыши. И все-таки бытовая картинка прелестна.

Х.

Детские глаза не видят крови. А, ведь, у взрослых история всех революций пишется красными чернилами и красною кровью.

Ни одной кровавой сцены нет в том большом ворохе детских рисунков, который я изучаю.

Аресты есть,—один из них привожу.

Берер.

У автора много наблюдательности. Срежиссирована сцена умно. Все фигуры красноречивы.

Есть арест и у детей Арбатской школы (Серебр. пер.).

Но тоже никакого трагоса в рисунке не чувствуется. Подано просто. Быт «детский».

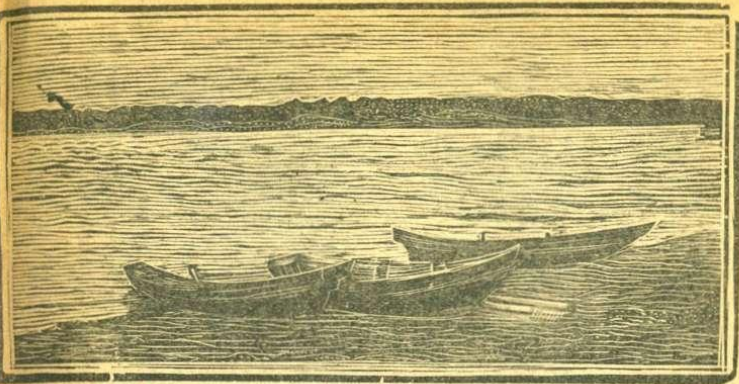
Арбатцы вообще богаче по части современного быта, уже охваченного нэповской горячкой.

Не без юмора изображены «спикулянты» и иные золотоискатели сухаревских, смоленских и прочих золотых приисков Москвы.

В ученике Михайлове (первые рисунки на 21—23 страницах) и в минутных карандашных рисунках (стр. 24—25) угадывается будущий Владимир Мавровский.

«Баба с подносом», «Торговка», «Спикулянт» (правописание автора), «Очередь у Кооперации», «Мешечник», «Рынок», «Базар» (между прочим у автора «Бозар» и это правильнее — beaux arts!), «Мальчик на буфере» — все наброски полны психологической правды.

Авторы не знают анатомии. Отдельные фигуры не анатомичны. Но они знают анатомию

Лодки.

жизни, анатомируют явления окружающего быта с исключительной проникновенностью.

И карандаш послушен их впечатлительности.

XI.

О Михайлове всего больше хочется думать, что это будущий Владимир Маковский.

В его рваном перовом штрихе сполько уверенности и экспрессии. Анатомия самая детская.

Но отдельные фигуры живут в толпе и с толпой.

Посмотрите, сколько панической беготни в наброске «Рынок разгоняют».

Рисунки сделаны моментально. Почти при мне.

XII.

Если сравнить рисунки детей дореволюционных лет (а здесь на стр. 12—15 даны и такие), с теперешними, бросается в глаза различие тем.

Дореволюционный ребенок не видел дальше своего класса, детской, дома, семьи.

Тут—«В ожидании учителя», «Главная перемена», «Мясник», «Бухгалтер», «Дождь идет»—тоже несомненно талантливые наброски, но без оттенка общественной.

Революция направила глаза ребенка в другую сторону и перед ним открылась

— Общественная жизнь.

Часто приходится слышать курьезное объяснения того засилья футуристов, которое имело место в нашей художественной жизни:

— Они первые и единственные из художников, которые пошли в ногу с нами и дали отображение революционной жизни в своих картинах. Они революционеры — палитры.

Это заблуждение поняли уже все. Изображать кривобоких, криворылых, кривоглазых, кривоносых монстров и называть их Рабочим (с большой буквы) значит оскорблять рабочего (с маленькой буквы).

Называть кривляк, гримасников, шутов или хулиганов революционерами палитры значит оскорблять звание революционера.

Говорить, что они пошли нога в ногу с народом, который смеется над их макулатурой,—значит оскорблять народ.

Говорить, что они «отображают» что-то из революционных идеалов, значит не уважать, не понимать и не иметь самому этих идеалов.

XIII.

Пока, первыми отозвались на биение современного пульса жизни—дети.

Детские глаза просто увидали, детские руки просто изобразили то, за что взрослые художники еще и не решались браться, так как видят в этом слишком большую сложность.

Детские глаза...

Мы должны чаще и чаще смотреться в детские глаза.

К сожалению, в мире все меньше и меньше детских глаз.

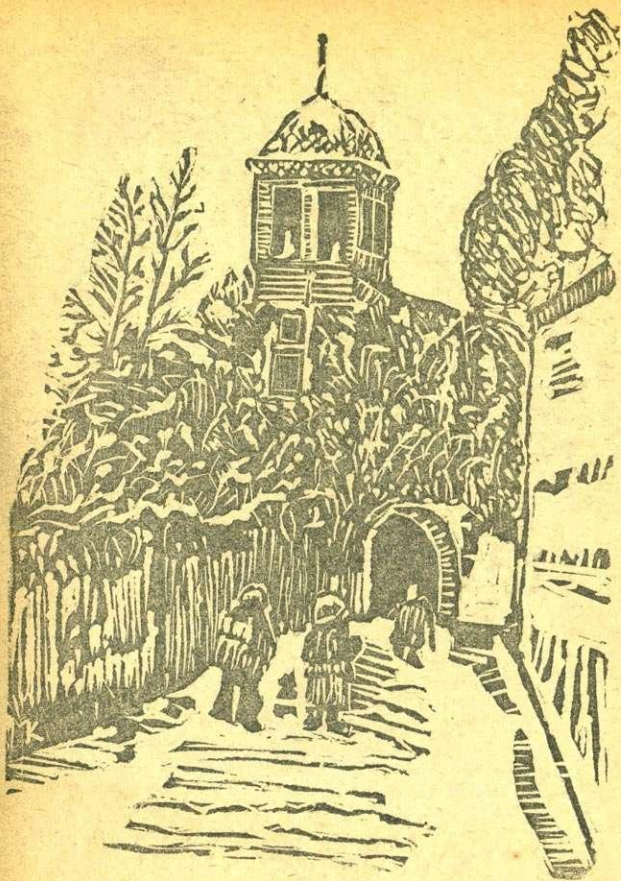

Первое, что теряет человек,—детские глаза. Посмотрите на глаза детей, торгующих на всех углах и перекрестках «Идеалом», «Ирой», «Зефиром»,—разве это детские глаза.

Посмотрите на глаза голодающих детей, фотографии которых привез нам Фриптоф Нансен...

Разве это не глаза стариков и старух...

Настоящие детские глаза я нашел вот в этих двух школах, в которых, по счастливому совпадению, преподают: в б. Сытинской ветеран русской деревянной гравюры И. Н. Павлов, а в Арбатской его брат и ученик А. Н. Павлов.

Надо принять меры, чтобы эти глаза не потухали, не перестали быть глазами художника-ребенка...

А между тем без поддержки извне обе школы погибли, ибо им предписаны разъедающие все нэпмановские условия...

Этим детишкам уже предложено самоокупаться, т.-е. торговать своими глазами.

— В рассыпную и пачками.

П. НЭСТУНКО

Птица и цветы на обложке и все
рисунки в книге — работа детей.
Шрифт на обложке В. И. Пудовкина.